

4 (62)

ИЗДАНИЕ
ПРЕОБРАЖЕНСКОГО
СОДРУЖЕСТВА
БРАТСТВ

МАРТ
2007

в газете использованы
материалы сайта sfi.ru
электронная версия газеты
gazetakifa.ru

НАМ ХОЧЕТСЯ СЛЕДОВАТЬ ПРИМЕРУ НАШИХ ОТЦОВ, НО ЭТО НЕПРОСТО

Прот. Василий Михок рассказывает о драматической истории одного из крупнейших православных церковных движений – румынского братства «Воинство Господне»

В феврале этого года один из руководителей движения «Воинство Господне», прот. Василий Михок, побывал в России. В ходе этой поездки он провел несколько дней с членами Преображенского содружества. Мы публикуем небольшие фрагменты из связанных с этим общением выступлений и бесед.

Дорогие отцы, дорогие братья и сестры!

Прежде всего я хотел бы поблагодарить Бога за то, что Он дал мне эту возможность – провести с вами эти несколько дней. Я все это время чувствовал, какая это великая милость Господня – что Он меня сюда привел, и все время пытался понять – для чего. Я вчера позвонил матери специально, чтобы сказать ей, как мне радостно здесь. Она очень хорошо себе представляет, что это такое, потому что и она, и мой отец всю свою жизнь провели в «Воинстве». И когда я говорю, что я чувствую себя очень счастливым здесь, среди вас, как дома, то вы должны понимать, что это значит: «Воинство Господне» очень похоже на ваше движение. Я вижу и различия, но эти различия говорят мне, чего **нам** еще не хватает.

Вы все знаете, что наше движение основано в 1933 г., его основателем был о. Иосиф Трифа, которого мы почитаем как святого. Движение началось в моем городе, в Сибиу. О. Иосиф был редактором одной из церковных газет, и сначала это движение было очень хорошо принято. О. Иосиф был вдовцом, его жена умерла очень рано. У него был один ребенок, вместе с которым он приехал в Сибиу, и уже тогда вся жизнь о. Иосифа была полностью посвящена Господу. Он опубликовал статью-воззвание к людям Румынии – измениться, изменить свою жизнь.

Поначалу была действительно большая поддержка, в том числе со стороны митрополита Сибиу, но одновременно было и большое противодействие со стороны многих епископов и священников. Вскоре и митрополит изменил свое мнение и захотел навязать «Воинству Господню» определенное направление движения, которое его духовному статусу и природе не отвечало.

Вы, конечно, знаете, что святые люди – это смиренные, но и смелые, дерзновенные люди. И о. Иосиф, хотя и был очень смиренным человеком как священник, и несмотря на то, что он был очень болен, тем не менее очень смело, дерзновенно противодействовал этим попыткам изменить направление движения Воинства. С этого момента события стали развиваться очень драматично, и в 1935 году о. Иосиф был извергнут из сана. Он очень тяжело это переживал, кроме того, он был действительно очень болен и через два года, 12 февраля 1937 года, он умер. Примерно в это время – в те выходные, которые примыкают к этому числу – в Сибиу каждый год проходит большое собрание Воинства.

С 1935 года начались тяжелые гонения, продолжавшиеся фактически до 1990-х. Причем гонения были и со стороны государства, и со стороны церкви. Кроме того, после смерти о. Иосифа в Воинстве не было четкого руководства, поэтому оно оказалось открытым для многих искушений. После установления в Румынии коммунистического режима гонения стали особенно тяжелыми, многие члены движения проводили в тюрьме долгие годы. Практически все активные члены Воинства испытали на себе эти гонения. Я родился в 1948 году, еще в сталинские времена, и вся моя жизнь связана с жизнью Воинства, которую я мог бы описать двумя словами: благодать и любовь. На каждой встрече можно было почувствовать это тепло, эту любовь людей друг к другу. Люди, с которыми я встречался, которых знал еще ребенком, были действительно людьми Божиими. И я всегда благодарю Бога за то, что я мог общаться с такими великими настоящими людьми. В доме моих родителей было довольно важное место встреч Воинства. Собирались у нас каждое воскресенье, часто и на неделе, и я помню, как счастливы были каждый раз мои родители, ожидая прихода людей из Воинства. Часто летом мы собирались на улице, у нас был довольно большой двор и сад. И я помню, как весь этот сад был заполнен людьми. Мой отец заранее ездил, покупал и привозил про-

Фото Анны Лепехиной

дукты, и моя мать за несколько дней начинала готовить еду для этой встречи, чтобы всех накормить. Я помню, как они радовались тому, что это все происходит, и, конечно, мы, дети, старались им помочь чем только могли. После встречи они обсуждали то, что происходило, и мы это слышали. Я помню, как они молились перед встречей. Время было трудное, и Божье присутствие действительно было явным.

В начале 90-х, сразу после свержения коммунистического режима, мы получили официальный статус. Это было несложно, потому что Воинство за время гонений заслужило большое уважение в обществе. Не было никаких проблем с тем, чтобы получить одобрение и государства, и церкви. Священным синодом сразу же было реабилитировано имя о. Иосифа – таким образом, была признана совершенная в отношении него в 1934-35 гг. ошибка.

Должен признаться, что сейчас жизнь в Воинстве далеко не так прекрасна, как была во времена гонений. Благодати уже не так много, а может быть, и любви. Нам хочется следовать примеру наших отцов и праотцев, но это непросто, потому что они были особыми людьми.

Реплика из зала: Я помню, о. Василий, Вы рассказывали в Архангельске, что встречи были после трудового дня. Обычно семья шла в какую-нибудь деревню за десять километров, и встреча шла всю ночь, а если кто-нибудь засыпал, его будили, рассказывая сказки.

О. Василий: Вчера мы говорили о миссии, и я стал вспоминать, как в Воинстве люди ходили по деревням (вообще многое происходило именно в деревнях, потому что они привлекали меньше внимание тайной полиции, и в то время многие воинские люди жили по деревням). В некоторых из них не было никого из Воинства, но наш приход всегда вызывал такую радость, что люди битком набивались в дом, в несколько комнат. Я помню, как миссионеры после долгого пути, очень уставшие, приходили в эти дома. Двумя составляющими встреч были проповеди и пение. Эту миссионерскую работу выполняли простые люди. Но те, кто приходил на эти встречи, говорили, что Воинство дает им то, в чем они действительно нуждались и чего они нигде больше найти не могут.

Продолжение на с. 2

В номере:

Центральная тема этого номера – проблемы, связанные с воплощением в жизни Церкви такого Ее качества, как соборность. О даре единства и о следовании воле Божьей размышляют прот. Василий Михок и священ. Георгий Кочетков.
с. 4-5

Слово должно быть действенным всегда

На стремлении осушевить этот императив в своей жизни строилась обшина, собравшаяся вокруг сщмч. Анатолия Жураковского. Воспоминаниям об этом замечательном пастыре была посвящена встреча Свято-Павловского братства с историком Павлом Григорьевичем Проценко
с. 6

Тверская епархиальная соборность: от невероятного к очевидному

Мы продолжаем рассказ о драматических событиях в Тверской епархии
с. 7

«Церковь» против «культуры»?

«Что происходит?» – этим новым вопросом русской интеллигенции задается автор книги «Воющие камни», историк (в недавнем прошлом, до «дела об «Анаксиосе» – преподаватель церковной археологии в СПбДА) Александр Мусин. О книге и о проблемах, описанных в ней – на с. 8

В «Миссионерском обозрении» – продолжение интервью игумена Петра (Мешеринова) и новости

Нам хочется следовать примеру наших отцов, но это непросто

Продолжение. Начало на с.1

Вопрос: Поделитесь секретами миссионерской деятельности Воинства Господня.

О. Василий Михок: Люди в Воинстве чаще всего были не очень образованы, и мы всегда больше полагались на то, что мы помолимся, а Господь все устроит. Я как богослов могу сказать, что миссия Воинства была Божьим делом. Христианская миссия всегда — Божье дело, потому что именно Он хочет, чтобы все люди спаслись, и миссию совершает Он. Нам иногда кажется, что мы приносим Христа куда-то. А на самом деле Христос нас куда-то приводит; Он, конечно, с нами, но и впереди нас. Мне кажется, это основные вещи, которые нужно понимать, когда думаешь о миссии.

Вопрос: Дорогой о. Василий, внутрицерковная миссия, миссия нашим ближним всегда связана с внешней миссией. Что Вы можете пожелать нам в связи с этим?

О. Василий: Сейчас один из недостатков жизни Воинства в том, что мы очень много занимаемся внутренней миссией и очень мало — внешней. Друг другу проповедуем очень много и, может быть, не так остро чувствуем необходимость нести слово Божье тем, кто его не знает.

Вообще же Воинство всегда обращалось прежде всего к внешним. Во время войны было очень много людей с особым миссионерским даром, они ездил по стране и обращались к людям прямо на вокзалах. И до сих пор это сознание в Воинстве есть; люди помнят о том, что нужно проповедовать везде. Но сейчас в Румынии такая ситуация, что жагда слушать слово Господне все меньше и меньше. Мы живем в такое время, когда людям кажется, что они все знают, и когда им говорят о Христе, они говорят: «О, это я уже знаю!» Сейчас, когда в любом магазине есть масса духовной литературы, миссионерствовать на самом деле гораздо труднее, чем раньше.

Вопрос: Есть ли какой-нибудь чин для приема в члены Воинства?

О. Василий: В Воинстве существует традиционная форма, когда человек публично посвящает свой путь Господу. Есть два этапа: первый — это принятие решения вступить в Воинство, когда человек не только для себя это решение принимает, но и заявляет об этом, и второй этап, когда заключается то, что мы называем заветом. Это нечто вроде обета, он приносится публично. Человек выходит перед собранием, молится, исповедует свое посвящение, приносит покаяние перед Богом и перед братьями и заявляет, что теперь посвящает всю свою жизнь следованию этому пути Божию.

О. Иоанн Привалов: Мы благодарим Бога за то, что Вы смогли приехать к нам и очень многое повидать, за то, что Вы смогли почувствовать наше движение и засвидетельствовать, что Вы чувствуете себя здесь как дома, хотя и видите некоторые различия. Хотелось в связи с этим спросить: какими Вы видите пути межправославного сотрудничества?

О. Василий: Сейчас, мне кажется, взаимоотношения между Поместными церквями развиты недостаточно. На практике патриархи обмениваются рождественскими и пасхальными поздравлениями, и часто официальные отношения этим и ограничиваются. Важно эти отношения строить на всех уровнях. Мне очень радостно слышать, что когда в Россию приезжают паломники, их очень хорошо принимают в ваших монастырях. Есть только две проблемы: язык и расстояние. Я думаю, что духовно мы говорим на одном языке, и расстояние в духовном мире также не существует. Как же на практике преодолевать проблему языка и расстояния — у меня есть определенные соображения. Первое, с чем нужно бороться — это невежество. У нас сейчас есть новый сайт, и мы будем стремиться опубликовать большую часть материалов на английском, чтобы многие смогли это прочитать. Нужно пользоваться современными средствами связи. Учебным заведениям можно обмениваться студентами. Мне кажется, так или иначе, важно знать друг о друге, знать, что происходит, молиться друг за друга и поддерживать друг друга. Сейчас у православных есть настоящее призвание — свидетельствовать о православии в Европе. Мне было очень радостно прочитать в вашей газете интервью митрополита Серафима (Жоантэ) под заголовком: «Мы все смотрим на Россию». И поскольку он сейчас митрополит Румынский в Северной и Центральной Европе, он очень хорошо понимает, как нужны сейчас совместные миссионерские усилия в Европе. Сейчас в Западной Европе много румынских общин — потому что много эмигрантов — и среди них есть много крепких воинских общин. Для меня совершенно очевидно, что православие в целом, в том числе и наши движения, призваны к миссионерству, и не только в Европе, но и во всем мире.

(Расшифровка аудиозаписи встречи о. Василия Михока с членами Преображенского содружества 17 февраля 2007 г.)

Продолжение темы на с. 4

Митрополит Кирилл: «Наша Церковь уважает духовную юрисдикцию Святейшего Константинопольского Престола и не собирается вмешиваться в события на Святой Горе»

Об этом Председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата заявил в интервью греческой газете «Вима», отметив, что разрешение конфликта вокруг афонского монастыря Эсфигмен относится к юрисдикции Константинопольского Патриархата.

На вопрос греческого журналиста о том, что Московский Патриархат якобы вмешался в ситуацию вокруг Эсфигменского монастыря, потребовав от Вселенского Патриарха не допустить изгнания части братии обители, митрополит Кирилл ответил, что в данном случае речь идет об искаженном изложении событий четырехлетней давности.

«В 2003 году произошло обострение конфликта вокруг афонского Эсфигменского монастыря, — напомнил митр. Кирилл. — Пресса сообщала, что при попытке попасть в блокированную обитель погиб один из ее насельников, в печати назывались различные даты его штурма».

Он подчеркнул, что дальнейшая эскалация конфликта могла бы привести к новым жертвам. «Своей обеспокоенностью мы поделились с братской Константинопольской Церковью. В нашем обращении не содержалось каких-либо требований. <...> Напротив, было ясно сказано, что наша Церковь уважает духовную юрисдикцию Святейшего Константинопольского Престола и не собирается вмешиваться в события на Святой Горе», — резюмировал Председатель ОВЦС.

В норвежском Киркенесе открылся русский православный храм

В норвежском приграничном городе Киркенес состоялось официальное открытие храма местного прихода Русской Православной Церкви, сообщает Barents Observer.

Появление новой церкви открывает новую эру Православия в этом исторически смешанном норвежско-русском пограничном районе, где традиция присутствия Русской Православной Церкви уходит корнями в глубь веков.

Киркенесский приход носит имя преподобного Трифона Печенского, легендарного монаха, построившего в 16 веке несколько церквей в современном пограничном районе, тогда не имевшем четкой принадлежности.

«Мы надеемся, что новая церковь станет местом встречи для русских, которые живут и работают на норвежской стороне», — сказала староста прихода Елена Хюсеби.

В настоящее время русские составляют 6% местного населения, а в киркенесском порту постоянно находится около тысячи российских моряков.

В приходе идет работа над обустройством церкви. Финансы ограничены, поэтому любые пожертвования от отдельных лиц и компаний будут кстати, отметила Хюсеби. У церкви ещё нет иконостаса и необходимой утвари. Несмотря на это, в церкви уже прошло несколько служб, два человека приняли крещение.

Бывшее муниципальное здание, новая церковь смотрит на Баренцево море и российскую границу, и вместе с тем на одну из актуальных проблем российско-норвежского Крайнего Севера — поиск нефтегазовых ресурсов. Ряд крупнейших мировых месторождений нефти и газа находится практически у побережья в районе Киркенеса и Мурманска, и грядущие перемены отразятся и в церковной сфере в этом регионе.

Киркенесская церковь пока остаётся без собственного священника. В приходе надеются, что Московский Патриархат выделит Киркенесу священника на постоянной основе. Пока же приходу придётся ограничиться службами, которые прово-

дят примерно раз в три месяца священники, приезжающие из Мурманска.

Киркенесский православный приход уникален в ряде аспектов. В отличие от других зарубежных приходов Русской Православной Церкви, он не находится в ведении Отдела внешних связей Московского Патриархата, а официально подчиняется напрямую Мурманской епархии. Здание было предложено приходу коммуной Сёр-Варангер. Муниципалитет давно работал над вопросами содействия Православия в приграничном районе. Несколько лет назад планировалось даже построить новое здание церкви, которая могла бы выступить и в роли центра для российских моряков. Проект привлёк внимание далеко за пределами Киркенеса. В 2002 году в ходе визита в Осло Президент России Владимир Путин отметил, что говорил о проекте на встречах с норвежскими правительственными чиновниками.

Росбалт-Север/Седмица.Ru

Иерусалимский патриарх не намерен идти на сделку с израильским правительством

Блаженнейший патриарх Иерусалимский Феофил не намерен вступать в сделки с израильскими властями на предмет своего официального признания, сообщил греческой газете «Катимерини» источник в Иерусалимском Патриархате.

Феофил III был избран предстоятелем Иерусалимской Православной Церкви в августе 2005 года, но израильские власти до сих пор отказываются признать его полномочия. В прошлом году Патриархат подал по данному поводу иск в Верховный суд Израиля, но в январе правительство попросило суд продлить на два месяца истекающий срок рассмотрения этого обращения.

Тем временем израильская печать сообщила, что правительство в качестве условия признания потребовало от Патриарха Феофила утвердить заключенную его предшественником сделку с недвижимостью в старом Иерусалиме, в результате которой стратегически важный участок земли у Яффских ворот оказывался в руках еврейских инвесторов.

Этот договор стал одной из главных причин низложения бывшего Патриарха Иринейя I в мае 2005 года. Патриарх Феофил недавно подтвердил, что не намерен отдавать церковные земли в чужие руки.

Русской церкви передан православный храм Николая Чудотворца в Бари

Бари. 15 марта. Премьер-министр Италии Романо Проди сообщил журналистам о том, что принято решение вернуть России весь комплекс православного храма Святителя Николая в Бари и прилегающего к нему подворья.

Настоятель подворья Русской церкви в Бари отец Владимир Кучумов подтвердил, что решение о передаче российской стороне православного храма и дома паломников в Бари принято «окончательно и официально».

По его словам, президент РФ Владимир Путин, посещая в среду храм, заверил представителей Русской церкви, что «он берет под свое покровительство все работы по благоустройству нашего подворья».

Президент также поблагодарил муниципалитет города Бари за содействие в передаче храма в ведение Русской церкви.

«Это прекрасный пример духовного единения двух стран», — сказал В. Путин, обращаясь к мэру Бари Микеле Эмилиано после посещения храма.

В ходе осмотра церкви глава российского государства поставил свечку и приложился к образу Николая Чудотворца. Его примеру последовал и премьер-министр Италии.

Настоятель храма подарил президенту РФ икону с частицами мощей Святителя Николая, а Р. Проди — изображение церкви в 1920-е годы, а также фотоальбом с ее современными фотографиями.

ИНТЕРФАКС

В НИЖНЕМ НОВГОРОДЕ ПРОШЕЛ ВЫЕЗДНОЙ СЕМИНАР СИНОДАЛЬНОЙ БОГОСЛОВСКОЙ КОМИССИИ

27 февраля в Нижнем Новгороде, в здании Нижегородской Духовной Семинарии, прошел выездной семинар Синодальной богословской комиссии «Богословские и церковно-практические аспекты таинств Крещения и Миропомазания». Семинар был задуман как один из этапов подготовки к международной богословской конференции по православной сакраментологии, которая пройдет в Москве в ноябре 2007 г. В ближайшее время аналогичные семинары, посвященные другим таинствам, пройдут на базе духовных школ в Москве, Санкт-Петербурге, Минске и Тобольске.

Возглавил работу семинара Патриарший Экзарх всея Беларуси, председатель Синодальной богословской комиссии митрополит Минский и Слуцкий Филарет. Семинар состоял из четырех сессий: первая была посвящена библейско-патрологическому обоснованию таинств Крещения и Миропомазания, вторая — богословско-догматическим аспектам таинств, третья — подготовке к таинству Крещения, четвертая — церковно-практическим аспектам таинств Крещения и Миропомазания. С докладами выступили преподаватели Нижегородской, Казанской, Саратовской и Самарской духовных семинарий. Примечательно, что Казанский, Саратовский и Самарский архиереи проигнорировали приглашение Синодальной богословской комиссии и не приехали в Нижний Новгород.

Докладчики, выступавшие на первых двух сессиях, затронули такие темы, как «Возрождение природы человека в таинстве Святого Крещения» (прот. Владимир Пархоменко, Саратовская Духовная Семинария), «Сотериологическое значение таинства Святого Крещения» (свят. Владимир Шарапов), «Таинство Крещения в контексте юридического и святоотеческого осмысления» (иеромонах Варфоломей, Саратовская Духовная Семинария), «Десятый член в общем контексте Символа веры и его связь с девятым членом» (прот. Игорь Цветков, Казанская Духовная Семинария). Основной темой дискуссии стала проблема чересчур поспешного отождествления западного богословия с римским юризмом, а восточного — с мистицизмом. Свят. Владимир Шмалый подчеркнул, что уже давно пора уходить от исторически обусловленного противопоставления западного юризма и восточного мистицизма, ибо этот стереотип сегодня зачастую используется в Православии как аргумент против логически ясного и понятного выверенного мышления.

Все три докладчика от Нижегородской Духовной Семинарии, выступавшие на третьей сессии, говорили о важности и необходимости возрождения института предкрещальной катехизации. А.А. Пешков в своем докладе «Значение практики оглашения: история и современность» обратил особое внимание на экклесиологическое измерение катехизации, которая должна стать делом всей общины. Д.В. Семикопов, выступавший с докладом «Подготовка к Крещению в истории Церкви», сосредоточил внимание на причинах постепенного упадка и исчезновения катехизации в V-VI вв., четкое осознание которых является одним из условий возрождения катехизации в современных условиях. Свят. Максим Антоненко в докладе «Проблема предкрещальной катехизации» также затронул вопрос о причинах упадка и практически полного отсутствия катехизации в современной Русской Церкви. По мнению докладчика, возродить полноценную катехизацию невозможно, если таинству Крещения не будет вновь возвращено центральное место в литургической жизни церковно-приходских общин. Один из способов достижения этой цели докладчик видит в реанимации крещальной Литургии.

Проблемы и вопросы, поднятые преподавателями Нижегородской Духовной Семинарии, стали темой оживленной дискуссии на четвертой сессии семинара. Свят. Владимир Шмалый высказал убеждение, что в деле возрождения катехизации необходимо использовать «тактику мелких шагов». По мнению о. Владимира, священноначалие РПЦ уже сделало все необходимое для того, чтобы катехизация заняла подобающее ей место в приходской жизни, так что теперь ответственность за возрождение катехизации лежит на приходских священниках, которых, впрочем, еще следует обучить катехизации.

Архиепископ Нижегородский и Арзамасский Георгий (Данилов) в свою очередь особо подчеркнул важность совершения таинства Крещения самим епископом. Катехизация должна увенчиваться крещальным торжеством, чтобы Крещение вновь стало праздником всей Церкви. Владыка Георгий высказал желание ввести в ближайшее время в храмах Нижнего Новгорода обязательную предкрещальную катехизацию, а также совершать крещальную Литургию.

Предметом дискуссии стал также вопрос о содержании катехизации перед Крещением. По мнению большинства участников семинара, основное внимание должно быть уделено Символу веры и христианской этике. Прозвучавший в ходе дискуссии вопрос о продолжительности катехизации обнаружил отсутствие какого-либо единства мнений среди участников семинара.

Официально итоги нижегородского семинара будут представлены архиепископом Георгием (Даниловым) на ноябрьской конференции в Москве.

Свят. Максим АНТОНЕНКО

В ВОРОНЕЖЕ ПРОШЕЛ ВЕЧЕР «ПАМЯТЬ И БЕСПАМЯТСТВО В ЦЕРКВИ И ОБЩЕСТВЕ: МУЧЕНИКИ 20-ГО ВЕКА»

3 марта в конференц-зале воронежского Дома актера прошел вечер «Память и беспамятство в церкви и обществе: мученики XX века», инициатором которого стало воронежское православное братство во имя свт. Тихона Задонского. На вечере присутствовало около 100 человек: преподаватели и студенты Воронежского государственного университета и других вузов, члены братства и их гости.

Вопрос памяти о прошлом, по мнению ведущих и организаторов вечера, — это не просто вопрос сохранения информации, не просто историческая хроника. Память о прошлом, его серьезное осмысление неразрывно связано с нашей настоящей и будущей жизнью, с личной и совместной сознательной внутренней ответственностью за все происходящее сегодня и в обществе, и в церкви.

Именно поэтому церкви необходимо осмысление опыта новомучеников, так как их наследие еще не воспринято нами в полноте. Это опыт церкви гонимой, в полноте разделавшей мучения и смерть с миллионами невинно погибших людей, но это и опыт преодоления страха, духовного противостояния злу, опыт сохранения человеческого достоинства, опыт духовной победы над смертью, свидетельства о котором так не хватает в нашем обществе.

В проведении вечера принимали участие преподаватель московского Российского государственного гуманитарного университета Анна Ильинична Шмайна-Великанова, автор множества работ, посвященных трагической истории XX века и опыту жизни церкви в эпоху тоталитарных режимов, а также доцент Воронежской государственной академии искусств, бакалавр богословия Сергей Николаевич Корденко.

Был показан небольшой отрывок из фильма об отце Анны Ильиничны, протоиерее Илье Шмаине, замечательном московском пастыре, богослове и философе, претерпевшем гонения в годы советского режима. Отец Илья был одним из учеников выдающегося проповедника и богослова митрополита Антония Сурожского, духовной дочерью и другом которого долгие годы была и Анна Ильинична.

Выступление студентки Свято-Филаретовского пра-

вославно-христианского института Екатерины Степановой было посвящено свят. Анатолию Журавковскому и его общине, жившим в первой половине XX века в Киеве. Уже в 20 лет А.Е. Журавковский проявил себя как необыкновенно одаренный богослов, ревнующий о возрождении церкви, написав работу «Литургический канон теперь и прежде». Автору дано было проникнуть в самую суть духа и смысла Евхаристии и ее сердцевины — евхаристического канона, анафоры. Его размышления о литургии — это размышления о сущности Церкви и христианской жизни. Треть своей короткой, но яркой жизни он провел в тюрьмах и ссылках, не оставляя по возможности пастырских забот и связи со своей общиной. Отец Анатолий погиб за веру Христову в лагере в 1939 году.

Среди пришедших на вечер гостей был Вячеслав Ильич Битюцкий, возглавляющий общество «Мемориал» в Воронеже. Он рассказал о сщмч. митрополите Петре (Полянском), родившемся в Воронеже, окончившем здешнюю семинарию и служившем в Воронеже в трагические годы советского режима.

Большая часть встречи прошла в форме диалога с залом. Было множество вопросов, касающихся острых проблем современной жизни церкви, в частности, вопроса об отношениях церкви и государства и об искажениях этих отношений в истории. Одним из горьких выводов стали слова о том, что нынешнее беспамятство — это результат фальсификации покаяния в обществе, которое осталось лишь в общих словах политических и церковных деятелей, в призывах средств массовой информации, но не стало реальным событием в жизни народа. Прозвучали слова о том, что покаяние может начинаться только с себя, со взятия на себя личной ответственности.

В заключение прозвучали слова о том, что особенно важно обратиться к опыту и памяти новомучеников, не просто формально запоминая их имена, но узнавая их лично, глубоко входя в пережитый ими опыт. Мы должны обладать подлинной памятью, благодарением, вдохновением как ответом на подаренную святую возможность жизни.

Информационная служба СФИ

Российское правительство начинает масштабную реституцию имущества РПЦ

Правительственная комиссия под руководством первого вице-преьера Дмитрия Медведева утвердила концепцию передачи в собственность Русской православной церкви (РПЦ) имущества религиозного назначения, поручив Минэкономразвития подготовить соответствующий законопроект к апрелю. Разработчики проекта из МЭРТА не скрывают, что, получив имущество в собственность, церковь получит «широкие коммерческие возможности». Ограничивать их должны лишь подготовленные МЭРТом поправки в закон «О свободе совести», которые обяжут церковь в своей предпринимательской деятельности следовать исключительно религиозным целям, пишет газета «Коммерсант».

В распоряжении газеты оказалась концепция передачи церкви имущества религиозного назначения. Церкви предлагается передать в собственность имущество, находящееся сейчас в ее безвозмездном бесспорном пользовании. Речь идет не только о культовых зданиях и сооружениях с относящимися к ним земельными участками, но и о внутреннем убранстве церквей, включая предметы, необходимые для совершения богослужения.

В настоящее время в России действуют 208 мужских и 235 женских православных монастырей, 12 665 православных приходов и 4696 воскресных школ. Площадь церковных сооружений варьируется от 5 до 50 тысяч квадратных метров, земельных участков — от 0,3 до 10 га (цена 1 га земли в Москве составляет 6-7 млн. долларов). По данным правительственной комиссии по делам религиозных организаций Церковь не проводила системную инвентаризацию своего имущества. Его оценкой только предстоит заняться Росимуществу.

Для получения имущества в собственность религиозная организация обязана будет подать в Росимущество заявку и пакет документов, утверждаемый правительством (среди них, к примеру, кадастровый план земель и экспертиза историко-культурной ценности объектов движимого и недвижимого имущества).

В случае, если Церковь захочет приобрести «непрофильные» объекты, например, пекарню или церковно-приходскую школу, ей придется обосновать, что они «по территориальному, архитектурному и функциональному признакам неразрывно связаны с объектами религиозного назначения». Экспертизу объектов Росимущество будет проводить совместно с Роскультуры и Росохранкультуры. По плану разработчиков проекта, в собственность церкви не смогут поступить особо ценные объекты — например, памятники и ансамбли, включенные в Список всемирного наследия ЮНЕСКО — например, храм Василия Блаженного или храмовый ансамбль Московского Кремля. Всего таких объектов около 20.

Ранее в публикациях некоторых СМИ сообщалось о том, что РПЦ взялась за строительство элитной недвижимости: жилых домов и офисных комплексов. До революции 1917 года Православная церковь была крупнейшим экономическим субъектом Российской империи. Новая демократическая Россия начала возвращение Церкви собственности, незаконно экспропрированной у нее большевистской властью. Собственность значительная, и распорядиться ею надо во благо современной церковной экономики, а также экономики всей страны.

Главный ресурс Церкви, разумеется, земля, доставаемая РПЦ бесплатно. «Представьте себе, насколько сегодня уже стало трудно — даже за деньги — найти в центре Москвы земельный участок под строительство офисов или элитного жилья», — сказал собеседник газеты «Время новостей». — Таких свободных участков ни у кого уже нет. А у Церкви такие участки есть. И в этом шанс для наших перспективных проектов».

В настоящее время «в разработке» находится более ста адресов по всей Москве. Программа восстановления патриарших подворий в столице предусматривает под церковным патронатом и частично на базе объектов недвижимости РПЦ строительство коммерческих объектов — офисных, торговых и жилых комплексов.

Публикуется по материалам сайта «Время новостей»

Центральная тема этого номера — размышления о проблемах, связанных с воплощением в жизни Церкви такого Ее качества, как соборность. В истории и в нашей сегодняшней церковной жизни на самых разных уровнях можно видеть и подлинное стремление к живому единству, к той власти Любви, о которой говорил в своих произведениях прот. Николай Афанасьев — и искажа-

ющее и унижающее эту жизнь стремление к власти и самоутверждению. Будем надеяться, что открытый разговор об этом внесет свою малую лепту в то, чтобы глубокое и подлинное росло в нашей общей жизни, а все укорененное в мире сем, все внешнее, пустое из этой жизни постепенно уходило.

О. Василий: Сердца Господь открывает. Вы знаете, почему большинство учеников Христовых были рыбаками? Господь им сказал: «Будете ловцами человеков». Знаете, почему? Они иногда всю ночь ловят, и ни одной рыбы в сетях нет, а когда Господь дает, то сеть полна. И в Евангелии два таких примера — в 5 главе Евангелия от Луки и в 21 главе Евангелия от Иоанна. В начале и в конце их хождения со Христом — два чуда. И они поняли, что надо совершать свой труд, надо призывать людей, но придут они тогда, когда дух проникнет в их сердце.

О. Иосиф был человек Божий. Он делал то, что делал, потому что Господь его к этому призывал. И он свое призвание очень хорошо осознал, чувствовал этот призыв. Он поэтому и стремился сохранить дух Воинства. Собственно поэтому Воинство до сих пор существует. Было бы так, как хотел митрополит, была бы какая-нибудь официальная организация в митрополии. И сколько бы она продержалась? Сколько таких пропало без следа. В Деяниях рассказывается, что когда апостолы были в тюрьме, а в синедрионе не могли понять, что с ними делать, Гамалиил сказал: «Если это от Бога, то никому этого не разрушить. Если нет — само скоро разрушится». А Божие так не разрушится.

С вами я убежден: ваше движение от Бога. А это значит, что на вас лежит ответственность за то, чтобы ваше призвание и вашу миссию ни на что не разминивать. И быть готовыми подчиняться Божьей воле и Божьей вести с молитвой, со смирением и с братской любовью. Это важно.

О. Иоанн Привалов (Свято-Архангельское братство): Что Вам позволяет думать, что наше движение от Господа? Как Вы это чувствуете?

О. Василий: Ну, это больше, чем какая-то рациональная оценка. Так не объяснить. Я таких комнат не одну видел, с людьми, которые целую ночь там проводят. Иногда очень уставшие, засыпающие. Людей, которые весь день работали и ночь не спали, чтобы слушать слово Божие. И кто еще такое будет делать? Почему вы здесь, а не где-нибудь еще, не чем-нибудь еще заняты? Кто-то вас призывает — Дух Святой, Сам Бог.

О. Иоанн: Что помогает найти волю Божью в движении? Один брат говорит: «Воля Божья в этом», а другой брат говорит: «А может быть, не в этом, а в том». Как им поступить, чтобы волю Божью понять?

О. Василий: Надо быть очень чувствительным, очень внимательным. Стараться изо всех сил, чтобы твоя собственная воля в дело не вмешивалась. Иногда думаешь, что что-то хорошо, а Господь лучше знает. Нужна постоянная готовность голос Бога услышать, быть посланным Им и различать духи. Различение ду-

ДАР ДУХОВНОГО РАЗЛИЧЕНИЯ ОЧЕНЬ ВАЖЕН

Из встречи Свято-Архангельского братства с о. Василием Михоком

хов — это очень важная вещь. Евангелист Иоанн говорит: «Исследуйте духов. Не каждый дух от Бога». И этот дар духовного различения очень важен. В общине, в братстве люди с таким даром очень важны. И здесь важно не допускать никакого насилия, никакого диктата, никакой тирании, потому что эта опасность присутствует всегда. Собственно этим и важны движения в православной церкви. Потому что ведь Церковь сейчас говорит: «У нас все есть: врата истины, благодать, организация, иерархия, епископы, архиепископы, митрополиты — все есть». И все-таки нужны эти движения. И иерархия, и церковь — все хорошо, но различать волю и действие духа в истинном смирении, в истинной любви — это важнее всего.

У иудеев во времена Христа все было очень хорошо: прекрасный храм, который Ирод великий реставрировал, украшал. Помните, Иисус приходит с учениками, и ученики Ему говорят: «Учитель, смотри какие прекрасные камни». Все великолепно. Организация великолепна. Семь тысяч священников служили в храме, а сколько еще левитов? Синагоги по всей стране. В синагогах старосты, и в каждую субботу собираются люди. И синедрион прекрасный, люди там образованные. И эта структура, когда пришел Мессия, Которого они долго ждали, она Его распяла. И никто не смог Его признать. Все это прекрасные вещи, действительно прекрасные: и закон, и Писание, и жертвоприношение, и храм — все есть, и все хорошо, но во всем этом места для Духа не осталось. Помните замечательную главу в «Братях Карамазовых» Достоевского про Великого Инквизитора? Когда Христос к нему приходит, он говорит Ему: «Ты все портишь. У нас все хорошо. Зачем Ты нам нужен?» В иудаизме в то время так и получилось. Все так хорошо устроено. Зачем там Мессия? Куда Он там? И эта опасность есть в церкви всегда, не только у католиков.

О. Иоанн: Мне хотелось бы поддержать разговор о нахождении воли Божьей и его немножко развить. Я хотел спросить, как лично Ваш опыт позволяет узнать: вот в этом действительно есть воля Божья, а в этом ее нет? Как Вы это узнаете? Иногда, действительно, Господь действует очень неожиданно. «Мои мысли не ваши мысли. Не ваши пути — пути Мои». Так сказано у пророка Исаии. Вы говорили про Мессию, Которого не узнали. Он пришел неожиданно, и вы застигнуты врасплох. Кто-то вам говорит, что в этом есть воля Божья. А по-человечески вы к этому не готовы. Вас это, может быть, смущает. Что помогает понять, есть в том или ином воля Божья или это искушение?

О. Василий: По-человечески у всех у нас есть немощи и границы. Даже у святых. Но чем святее человек, тем больше он опасается искушения, потому что слишком хорошо знает о той духовной битве, которая вокруг него происходит. Дух, конечно, хотим, чтобы во всем была ясность, чтобы все укладыва-

лось на свою полочку, а Дух дышит, где хочет.

После вознесения Христа апостолы собрались и говорят: «Надо что-то сделать. Нас же 11 осталось, а должна быть полнота». Ну и выбирают себе двенадцатого — Матфия. Теперь все, полнота, двенадцать, все прекрасно. Проходит какое-то время, и приходит апостол Павел и говорит: «Я — апостол». Куда его теперь вставить? Нет, они признают духом, что он апостол, но их уже двенадцать. Тринадцатого куда? Дух так действует, и что теперь?

Мы по-человечески хотим все организовать, вот здесь границы, вот тут — все поставили. Мы с вами люди благочестивые, идем на небеса. Вот досюда — на небеса, а вот отсюда — все в ад. Свидетелей Иеговы знаете? Они же всех считают, пересчитывают каждый раз, говоря, что вот сейчас нас столько-то, сейчас столько-то, а все остальные идут в ад. Они свою историю ведут с 1843 года и тщательно считают с этого момента, сколько их было. И вот в 30-х годах президент этой организации начал считать, сколько их всего было с 1843 года. И обнаружил, что эти самые 144 тысячи закончились. Все, все места заняты. И он это опубликовал, объявил всем. Получил большие проблемы. А остальных теперь куда, тех, которые приходят? Места для них не осталось. Но он человек неглупый, он на следующий год почитал Откровение и говорит: «144 тысячи — они должны быть незамужние, неженатые, целомудренные должны быть. А значит, есть еще те, которые семьями попадут в рай. 144 тысячи — это только те, которые бесемейные». Но тогда пошли проблемы с теми, кто раньше был: «Как? А я хочу с женой попасть на небеса!» И опять начались проблемы. У них такие проблемы постоянно. Но это люди, Духа Святого не знающие. И Бога, на самом деле, не знающие. Как и книжники в Писании — это все-таки люди, Бога не знающие. И поэтому Христос обращается к грешникам. Те, которые обвиняли Христа, они что Ему говорили? «Зачем Ты общаешься с грешниками? Их путь в ад». Христос им отвечает: «Это не Божья воля». Бог — Отец, и Он нас любит материнской любовью. Ни отец, ни мать в процентах считать не могут. Если я отец, и у меня 13 детей, я не могу так, что десять хороших, три плохих. Вообще процентное соотношение неплохое, согласитесь. Что я теперь, радоваться буду? Я так могу? А Бог? Он же не может так, что 30 % спасены, а 70 % пропали. Процентное соотношение плохое. Богу дробь незнакомы. Американцы иногда шутят: Бог в школе дробь не изучал. Он до дробей не дошел. Он так считать не умеет. Он хочет, чтобы все творение спаслось. И это воля Святого Духа. И как только мы начинаем ограничивать это, со всеми добрыми намерениями, чего бы мы при этом ни хотели, все время нужно помнить, что пути Божьи не наши пути. И мы должны всегда быть готовыми Его пути принять.

МЫ ДОЛЖНЫ УМЕТЬ ПРОВЕРЯТЬ СЕБЯ

Интервью с основателем и духовным попечителем Преображенского содружества братств свящ. Георгием Кочетковым

«Кифа»: Что значит для Вас лично и для возглавляемого Вами движения церковное единство? Для меня самой было очень важно то, что я никогда не слышала от Вас ничего подобного, скажем, словам: «Это мое мнение так важно, что ради него можно пойти на раскол». Ваше стремление свидетельствовать о правде и в то же время готовность идти на любой достойный компромисс ради единства, Ваше терпение были для меня одним из свидетельств подлинности и церковности того, что мы делаем. Но я знаю, что далеко не все в церкви относятся к ее единству с такой бережностью, как Вы. Сейчас, когда исполняется 10 лет с начала второй волны гонений на Преображенское братство, что Вы можете сказать и о проблеме церковного единства, и о проблеме разделений и расколов? Как, на Ваш взгляд, можно избежать этих расколов?

О. Георгий: Единство есть плод Духа и дар Духа, так же как и духовный Мир. И если мы не бережем мир и единство, то в нас не будет любви, в нас не будет благодати. Действительно, сейчас церковь переживает тяжелые времена, когда расколы повсюду — не в том смысле, что все организуют свои секты, а в том, что люди мало заботятся об этом единстве и мало его берегут. Очень многие люди нецелостны внутри самих себя, они сами внутри себя расколоты. Потом расколы идут в ближайшем кругу друзей, родных, в семьях, в приходах, в общинах, в братствах. Даже в советские времена, перед лицом большой внешней опасности, и то, я помню, те немногочисленные кружки людей, которые собирались вместе и имели смелость что-то вместе обсуждать и что-то вместе могли делать во благо церкви, во благо веры, характеризовались огромным количеством противоречий и расколов. И это было знамени-

ем времени, знамением оскудения духа, неумения терпеть и приносить духовные плоды. Апостол Павел говорит: «Вы душевные, если между вами есть ссоры, распри, разделения, расколы. Вы еще не духовные, вам нужно еще питаться духовным молоком, а не твердой пищей». Не будем забывать этих слов.

«Кифа»: Немного странно слышать это про советское время, потому что многие о нем вспоминают как о времени, когда люди перед лицом общей опасности являли гораздо большее единство, чем сейчас. Впрочем, может быть, сейчас проблема еще глубже, чем тогда?

О. Георгий: Сейчас проблемы, безусловно, стали еще более острыми, потому что церковь получила внешнюю силу — и материальную, и административную, она вступила в новый союз с силами государства и общества, она вступила в фазу уверенности в себе, желания властвовать, господствовать, что само по себе не может не вести к разделениям и расколам. Если люди в церкви не заинтересованы друг в друге, если они не берегут друг друга, если им всё равно, сколько человек придет на богослужение и вообще придут ли они, если люди с легкостью необыкновенной выгоняют людей из храма или отлучают от церковного общения только из-за своих корыстных целей или по соображениям собственных амбиций, тогда о чём же еще можно говорить? Я специально привел пример из советского времени, чтобы подчеркнуть, что даже тогда, перед лицом внешней опасности, люди во многих случаях не могли соблюсти единство и найти общий язык. Так что говорить о дне сегодняшнем?

«Кифа»: Очень часто ситуация разделения возникает тогда, когда теряется единство духа. Не связаны ли проблемы единства с ослаблением в церкви дара различения

духов? Ведь сегодня люди очень часто не принимают подлинного пророчества, или, наоборот, идут за всевозможными лжепророками, и возникают как масштабные движения типа ИННициков и почитателей Распутина и Ивана Грозного, так и небольшие группы почитателей того или иного младостарца. Получается, что, с одной стороны, нельзя пренебрегать тем, что пророческий дух никогда не умолкает в Церкви, что нужно, как говорит, скажем, отец Василий Михок, искать людей, имеющих дар различения духов. С другой же стороны, нужно хранить сугубую трезвость и осторожность, чтобы не увлечься совсем непрозорочивым духом или не принять за него те или иные душевные качества — скажем, душевную мягкость, способность вовремя посмотреть в глаза, поглядеть по руке, утешить, или интеллектуальные дары — способность хорошо продумывать какие-то вещи, долго и красиво говорить, приводя к месту те или иные цитаты, скажем, из Хайдеггера и Булгакова, или, в зависимости от церковных вкусов, из Игнатия Брянчанинова и Ивана Ильина. Как же достигнуть возможности видеть эту разницу — и лично, и всем вместе? Как говорить об этих болезненных вещах так, чтобы правда не замалчивалась и неправда не разрасталась, и одновременно так, чтобы не оскорбить, не обидеть, не оттолкнуть от церкви тех, кто мог бы послужить ей своими добрыми и достойными дарами, пусть и не имеющими ничего общего с тем пророческим духом, за который они по ошибке эти дары приняли?

О. Георгий: Это большая проблема. Различение духов, как и само пророчество, с одной стороны, подобно царственному священству народа Божьего, принадлежит всем. С другой стороны, не все могут сказать, что это их главное личное служение. Дух пророческий в истинной Церкви никогда не оскудевает, но вот лич-

ных носителей этого духа всегда становилось всё меньше и меньше, особенно с введением в церковь принципа права, то есть буквально с середины II века, и с началом константиновской эпохи. Даже такое благое намерение, как введение с середины II века в христианской церкви иерархии, оказалось в результате связанным с уничтожением пророческих духов. Не случайно всё предшествующее время называют харизматическим временем, а всё последующее — институциональным. Это упрощение, но за ним всё-таки стоит и что-то реальное. Мы очень хорошо знаем, как часто люди злоупотребляли пророческим духом в ту или иную сторону. Некоторые боятся открыть рот и сказать слово со властью, даже имея внутренний позыв, даже имея внутреннее откровение — им кажется, что они будут претендовать на что-то слишком большое, им никто не поверит, и поэтому надо молчать. И некоторые люди с удивительно тонким духовным чутьём, к сожалению, нередко молчат, молчат там, где молчать нельзя, где, действительно, молчанием предаётся Бог (к сожалению, сейчас этой фразой часто злоупотребляют, её используют совсем не в церковном контексте, и, во всяком случае, не в церковной практике). Но ведь есть и другая крайность — когда люди, чувствуя в себе позыв что-то сказать, что-то сделать, начинают это делать не соотносясь с велением Божиим, с благодатью, а значит, с церковной традицией, с тем, как церковь воспринимает их движения, не соотносясь с плодами, действительно легко настаивают на своём, проявляя гордость, несмирение, идут часто ради этого даже на расколы. Иногда при этом они высказывают свои мнения в некой форме пророчества, т.е. не особо заботясь о доказательности и убедительности этих мнений, часто, действительно, используя лишь какие-то, может быть и хорошие, душевные, умственные или чувственные свои свойства, или волевою энергией, но не духовный опыт. Люди часто уверены в себе как в пророках.

«Кифа»: Бывает, что они уверены не столько в себе, сколько друг в друге и уверяют друг друга в наличии этих на самом деле не принадлежащих им даров.

О. Георгий: Такие люди всегда создают какой-то круг почитателей, какой-то круг, который друг другу безоглядно верит, не имея возможности этого проверить и не желая слушать мнение Церкви или голоса Божий. Действительно, в наше кризисное время отсутствия великих церковных примеров христианской жизни, отсутствия великих личностных харизм, даров, отсутствия доверия друг ко другу, в наше время безличности и отсутствия соборности очень легко возникает такого рода тромбы в теле церкви. Очень часто люди высказываются и даже не хотят знать ответа, не хотят даже ждать ответа, не хотят смотреть по плодам. Или встречаясь с чем-то, как им кажется, недолжным, не желают отвечать, потому что говорят: это бесполезно, мы слишком разные, мы слишком противоположные, т.е. идут на разрыв, на всё тот же раскол. Грех разделит человечество — будем помнить об этом. Дух пророческий, настоящий пророческий дух исцеляет и никогда не губит. Христос говорит: из того, кого Ты Мне дал, Я не погубил никого, кроме сына погибели. Но сын погибели себя проявил и проявил себя однозначно, и Христос не говорил этих слов до того, пока он себя не проявил, даже по отношению к предателю, которого Он заведомо знал как предателя.

Так что надо быть очень осторожным с этими вещами. Вообще человек не должен о себе говорить как о пророке. Пусть Церковь скажет, что ты пророк, пусть народ Божий признает тебя пророком, но не просто круг твоих почитателей, людей, очень любящих тебя, уважающих тебя, очень доверяющих тебе. Пусть тебя признают другие люди, какие-то широкие церковные круги и люди, действительно святые. Дух пророчества всегда связан с благодатью, всегда связан с любовью. Откровение связано с познанием. Если ты ошибаешься в познании, ты не можешь претендовать на безошибочность откровения. Даже если у тебя есть какие-то проблески настоящего пророчества, не думай, что ты всегда безошибочен и каждое твоё слово — пророчество, что любое твоё мнение должно быть признано всеми. Неумение уважать свободу другого человека — страшный грех. Оно редко встречается, это умение, в наше время, но это принципиально важно для всех нас. Надо и любить человека, и уважать его свободу. Надо понимать, что между людьми могут и должны быть разномыслия во всём, кроме главного. В главном мы всегда в единстве, во второстепенном мы допускаем любое многообразие и противоречие, но во всём должна быть любовь. Вот это мне кажется очень важным. Если бы в нашей церкви была бы возможность дышать Святому Духу свободно, т.е. так, как должно, то церковь давно бы возродилась, даже за те небольшие годы, которые прошли со времён начала новой церковной эпохи, за последние 15 лет. Мы должны были бы думать о том, как духовная свобода являет себя в Церкви. Пророчество — это плод духовной свободы и это стимул духовной свободы. Пророчество не существует без любви, без истины, без духа — подлинное пророчество. Мы должны уметь проверять себя, мы должны уметь проверять и пророков. Пасть может любой, даже тот, кто, может быть, и был истинным пророком прежде. Так же как любой может потерять веру, потерять любовь, потерять надежду, потерять дух. Мы должны понимать, что в духовной жизни магии и автоматизма нет и быть не должно. Особенно это важно в неформальных отношениях, скажем, в общинах или в братствах. Ведь общины и братства отличаются от устоявшихся исторических институциональных церковных форм, осно-

ванных на праве и на внешнем иерархическом устройстве, тем, что они как раз обращаются к истине духа, и поэтому они должны быть особенно внимательны к тому, чтобы эта истина не была повреждена, чтобы этот дух не был подменён духом чуждым. Внешних гарантий здесь нет. Это именно тот случай, о котором Бердяев говорил, что христианство гарантий не даёт.

«Кифа»: Нужно сказать, что многие из тех предостережений, которые прозвучали сейчас от Вас, наши оппоненты обращали ко всему нашему движению и к Вам лично. Под градом таких обвинений приходится всё время перепроверять себя. Как я уже говорила, для меня доказательством подлинности того, что мы делаем, было то, что Вы никогда не пренебрегали церковным единством. Если же вернуться к тому, о чём Вы сейчас говорили, то я могу свидетельствовать и о том, что я всегда испытывала как член братства Ваше уважение к свободе человека, к свободе Ваших духовных детей. Но, тем не менее, в сознании многих людей остаётся эта груда обвинений против нас в некоторых претензиях, в некоторой амбициозности, в некоторой провокации на раскол, и очень многие в церкви этим обвинениям верят.

О. Георгий: Это очень понятно, потому что люди судят по себе, они не могут себе представить, что может быть по-другому. Я видел, с какой уверенностью люди приписывают нам, скажем, тоталитарный дух, некий гуруизм, или, наоборот, элитизм и многие другие измы потому только, что они не представляют себе, как могут существовать вместе тысячи людей без противоречий, без давления, без жёсткой организации. Даже наши друзья говорили, объясняя себе, почему мы слушаем до сих пор, что у нас, видимо, гениальные организационные способности. Что же говорить про оппонентов, которые изначально что-то не восприняли — допустим, изначально услышали что-то не так или поняли что-то неверно!

У людей часто нет опыта того, о чём они говорят. И это очень опасно. Лучше молчать, на мой взгляд, чем говорить о том, чего не знаешь. В духовной жизни, в церковной жизни это особенно важно. Надо всегда иметь достаточное смирение, чтобы не брать на себя больше, чем тебе даёт Господь. Но кто может другому человеку подсказать, что ему дано Господом, а что — его гордыней или обстоятельствами? В этом и проблема, в этом и беда.

Сошествие Святого Духа на апостолов. Иконописец сестра Иоанна Рейтлингер

«Кифа»: Наверное, можно, тем не менее, дать какие-то критерии, по которым человек сам бы мог об этом судить.

О. Георгий: Конечно. Но это требует, во-первых, взаимного духовного доверия, духовной расположенности и какой-то духовной силы. Ведь многие люди критикуют других не только от неопытности, не только от незнания, но ещё и от бессилия. Они уверены, что если у них нет ни на что сил, то значит, и у всех нет. И когда кто-то говорит в духе и силе, это значит, что его слова, его утверждения, его жизнь, его действия неистинны, и их надо отвергать с порога. Вот в чём беда. Я думаю, что это касается как раз главной сути этого вопроса — откуда рождаются наши оппоненты. Далеко не всегда от злонамеренности и ангажированности. Я думаю, что часто вот от такого рода бессилия и от отсутствия опыта. А ведь не хочется признаваться в этом, особенно перед лицом других людей. Хочется себя показать деятелем православным. Я давно заметил, что так же как контрмиссия есть качество, которое принадлежит часто людям совершенно нецерковным, совершенно миссионерски неонарёмным, мягко скажем, точно так же и в делах, подобных нашему, присутствует именно этот момент. Кое-кому из наших оппонентов могли бы сказать: «А что ты делаешь в церкви? Почему ты бездельничал, почему ты не служишь Богу?» А вот когда они активно гонят тех, кто что-то делает (и при этом неиз-

бежно в чём-то ошибается), создаётся впечатление, что как раз именно они-то, эти критики, и служат, а все остальные неизвестно чем занимаются. Ведь почти никто из них не пришёл и не спросил: «А что вы делаете? А почему вы это делаете так, а не иначе?» Ведь все основные наши оппоненты никогда ни со мной, ни с кем из серьёзных ответственных людей нашего движения или нашего Института не разговаривали, никогда ничего не выясняли. Я часто спрашивал себя: почему? Ведь это даже нарушение канона. Нельзя на пресвитера возводить обвинения хотя бы без двух свидетелей. Но это делается с необыкновенной лёгкостью и пресвитерами, и епископами, и мирянами — кем угодно.

«Кифа»: Может быть, открытый, откровенный разговор помогает решить и другие проблемы церковного единства, о которых мы говорили прежде? Наверное, в случае, когда или в большом или в малом масштабе человек сталкивается с опытом увлечения ложным пророческим духом или псевдопророческим духом (когда за него принимается что-то душевное), нужно спокойно это выяснять, приходить, разговаривать с людьми? Но как можно разговаривать, если человек в такой ситуации часто закрывается и не принимает никакого разговора?

О. Георгий: Это очень трудно, но я уверен, что можно. Я уверен, что любой человек на этот разговор может пойти, только надо найти тон, надо найти момент. Надо найти людей, которых этот человек готов слушать. Да, такие люди обычно не всех слушают, и в этом главная трудность — не любой может им что-то сказать. У них уже есть определённое «табу» на отношения с теми или иными людьми. К сожалению, это так. Но надо находить других людей, другие способы, другие выражения, какие-то другие возможности. И разговаривать с этими людьми можно. Другое дело, что надо рассчитывать на очень быстрый успех. Важно знать, что такого рода духовные болезни быстро не лечатся, они, к сожалению, имеют довольно глубокие корни. И всякая претензия на пророчество без подлинного пророчества — это обычно следствие довольно тяжёлой и довольно длительной духовной болезни. Это не появляется из ничего и как бы вдруг. Часто это связано и с определёнными психологическими комплексами, с определёнными взаимоотношениями, даже с определённым воспитанием и характером, связано с приоритетами жизни, связано с тем, с кем человек привык общаться, кому доверять, а кому нет и т.д. Это очень большой комплекс вопросов. Но с людьми надо говорить и надо им противостоять. Не надо их бояться. Но ни в коем случае не надо что-то делать и оглядываясь на них — вот, мол, они осушат. Если мы, скажем, начнём оглядываться на наших оппонентов, то мы должны будем сразу лечь в гроб, покрыться крышкой и на этом сказать «конец».

«Кифа»: Очень важно при этом, на мой взгляд, не поддаваться духу разделения и хранить какое-то мирное устройство. Ведь можно быть несвободным, не только оглядываясь на кого-то, но и делая всё по принципу: «Ах, они считают так, а мы сделаем ровно наоборот».

О. Георгий: Безусловно. Это очень важно. Когда я говорил, что не надо оглядываться, я имел в виду и то, и другое. И то, что некоторые люди подделываются под таких псевдопророков, лишь бы не оказались под обстрелом их критики, и то, что кто-то стремится делать все наоборот. Очень легко войти в такое оппонирование, и тогда будет тот же дух, только с другим знаком.

«Кифа»: «Единство духа в союзе мира» — это глубокое внутреннее качество общей жизни в Церкви. Однако очень часто возникает соблазн достигнуть этого единства во многом внешними способами, в частности, через унификацию формы и т.д.

О. Георгий: Конечно, люди часто начинают с внешнего. Легко начинать с внешнего, но этому надо противостоять.

«Кифа»: Как же идти к внутреннему единству?

О. Георгий: Очень просто — вспомнить принцип «начинай с себя». Сначала сам покажи пример, и тогда поймёшь, что от внешнего в большинстве случаев к внутреннему не придёшь. Да, есть случаи, когда это возможно, но в большинстве случаев — нет.

«Кифа»: Как же всё-таки добиваться подлинности общей жизни?

О. Георгий: Я думаю, путь здесь только один: нужно согласовывать приоритеты, начинать с вещей бесспорных. Я думаю, их всегда можно найти, если человек, с которым мы общаемся, верующий, если он хоть как-то церковен. Если человек ценит, скажем, духовный порядок, или традицию, или историю — в этом с ним всегда можно солидаризироваться, можно начать разговор в том ключе, в котором он ему понятен и приемлем. Не надо начинать сразу с вещей трудно согласуемых, не надо лезть на рожон, как говорится. Хотя иногда бывает и так, что нужно говорить открыто и обличать, я этого тоже не исключаю. Я не могу сказать, что такого совсем не может быть, но только это крайний случай, и надо всегда помнить, что это всегда большой риск, и он должен быть очень внутренне оправдан. Нельзя это делать по любому поводу, по любому вопросу. Иногда надо и обличать, но обличать всегда надо с любовью. При этом важно уметь различать, где можно с человеком не соглашаться и даже на это не обращать внимания, потому что это не принципиально, а где надо об этом говорить, потому что это важно. И никогда не нужно быть против человека, всегда надо быть за него, даже если он ошибается, и ты с ним не согласен.

Беседовала Александра КОЛЫМАГИНА

Анатолий Жураковский родился 17 марта 1897 г. Его отец преподавал в средних и высших учебных заведениях русский язык, эстетику, теорию искусства. Хотя семья не была религиозной, Анатолий ещё в детстве открыл для себя Бога и церковь. Юношей (сначала — гимназистом, а после — студентом Киевского университета) он посещал заседания Религиозно-философского общества, близко общался с В.В. Зеньковским, В.И. Экземлярским, П.П. Кудрявцевым, свящ. А. Глаголевым. Из дошедших до нас писем тех лет и публикаций в «Христианской мысли» видно, что ещё до рукоположения (1920 г.) Анатолий всерьёз и глубоко размышлял о путях христианской жизни, о жизни Церкви. Когда он начал служить, проявился плод этих размышлений: поначалу пустой храм наполняется людьми, собралась община, закипела жизнь. Затем последовал первый арест (1923 г.) — «за подрыв советской власти путём проповедей», ссылка в Краснококшайск, возвращение (1924 г.), благодаря хлопотам общины, неприятие Декларации 1927 г., повторный арест (1930 г.), приговор к расстрелу с заменой на 10 лет лагерей, расстрел по приговору лагерной тройки в 1937 г.

Вопрос: Не могли бы Вы рассказать о связи о. Анатолия Жураковского и мечевской общины?

Павел Григорьевич Проценко: О. Анатолия арестовали 1 октября 1930 года. Еще до ареста он посылал в Москву кого-то из своей пастыри для установления связи с общиной о. Сергия Мечева. Так что можно говорить только о начальном знакомстве. До этого сам о. Анатолий успел побывать в Санкт-Петербурге, установить лично связь с группой о. Федора Андреева. Обстановка там была такая: не успел о. Анатолий прийти в квартиру Андреевых, как в это время нагрянули с обыском. Если бы его там обнаружили, то непременно арестовали, но он встал за дверь в одной из комнат, и его не заметили.

Вопрос: Это были связи среди «непоминающих»? Мечевы ведь тоже относились к непоминающим.

П.Г. Проценко: Начало 1930-х — такое время, когда еще не было четкого разделения: поминающие — непоминающие. Церковь вообще была маленькой, невероятной сузилась. Когда митрополит Сергей (Страгородский) дал интервью зарубежным корреспондентам, что у нас все хорошо и нет гонений за веру, а есть только репрессии за политические преступления, совершенные верующими, это вызвало большую бурю в церковном мире, повсеместно происходило резкое размежевание. Можно сказать, что в первые два года после выхода Сергиевской «Декларации» отношение к ней среди активной части православных было по преимуществу отрицательным (что далеко не всегда означало «юридическое» размежевание). Затем под воздействием широких репрессий отношение к ней стало претерпевать сложные мутации. Православные общинники, а это была меньшая, но активная часть церковного народа, относились к внутрицерковным и внутриполитическим событиям той поры так, как относились к этому уцелевшие представители классической русской культуры. Отношение ко всему происходящему у них было четкое, прямое, ясное, как и иерархия ценностей, в которых воспитывались их поколения. Они все оценивали в отношении к христианской правде и Евангелию. Они — т.е. и московские мечевцы, и иосифляне Питера — мыслили прямо. Надо сказать, что уцелевшие представители этого движения, с которыми я был знаком, не любили этого названия — «непоминающие», воспринимали его как кличку. Они называли себя «иосифлянами», просто осознавая себя такими членами Церкви, которые не признали неправду. Они стремились устанавливать контакты с единомышленниками, чтобы их не придушили поодиночке. Но они не успели этого

СЛОВО ДОЛЖНО БЫТЬ ДЕЙСТВЕННЫМ ВСЕГДА

Фрагменты посвященной сщмч. Анатолию Жураковскому встречи Свято-Павловского братства (г. Электросталь) с историком П.Г. Проценко

сделать (во всяком случае, в Киеве), наладить связи между едиными по духу и активному настрою верующими. В дальнейшем им приходилось «импровизировать». Т.е. импровизировали уже совсем маленькие группки, кружки. Импровизировали по части того, как жить и действовать по вере и совести в это страшное и извращенное время. Огромные толпы, которые раньше наполняли приходские храмы, тысячи человек — кто из них тогда, когда подул ветер, сохранил стремление служить Христу, я не знаю. Знаю, что крошечная община о. Анатолия Жураковского уцелела. Уцелела духовно и морально, тогда как многие из них погибли или попали в заключение и ссылку (речь идет о десяти-двенадцати пострадавших общинниках). А те из них, кто выжил и лично, и физически, смогли сформулировать свой христианский опыт. Тем самым они культурно преодолели время, всякие агитпропы, пропаганду. А эти мнимые тысячи (о которых якобы заботилась «Декларация») — они куда-то пропали, исчезли, их нет в пространстве церковной истории 1930-х годов.

Вопрос: У общины Мечевых был открытый приход, куда могли приходиться люди, где они получали помощь. Но были и устойчивые небольшие группы. А как это было у о. Анатолия?

П.Г. Проценко: Братство и сестричество о. Анатолия — это, скорее, трудовая артель. Т.е. основой социальной деятельности общины была способность сестер и братьев содержать и себя, и священника и способность поддерживать главные «миссии» общины (у них там существовал, к примеру, «стол милосердия»). Как правило, ревностные молодые сестры что-то делали для заработка, девушки изготавливали игрушки (это считалось кооперативной, не государственной, работой), и заработка хватало и на то, чтобы и в ссылке о. Анатолию помочь, и чтоб других заключенных и нуждающихся поддерживать. Благодаря этим посылкам уцелел во время первого ареста. Т.е. они кормились трудами, делами своих рук.

Надо сказать, что мечевская община официально очень рано — по своему строению, внутренне, — ушла в подполье в отличие от киевской. Киевская община служила в небольших храмах фактически до 1930 года. И была на виду у всего церковного и культурного Киева. Даже после о. Анатолия в их последнем, Преображенском, храме что-то еще продолжалось, и только потом община была разгромлена. А мечевцы и до ареста о. Сергия в 1929 году (кажется, так) были более закрытыми, осторожными. А потом череда гонений на о. Сергия привела к еще большей закрытости в среде его общинников. В начале 80-х я общался с м. Серафимой (Булгаковой), родной сестрой духовной дочери о. Сергия, и она (сама многое пережившая, что называется «стрельный» и «пуганый воробей») жаловалась на скрытность и чрезмерную закрытость уцелевших общинников из среды мечевцев. У меня создалось впечатление от каких-то рассказов о них, передававшихся их знакомыми, что мечевцы пытались наладить тайную, что ли, подпольную жизнь. У них община была устроена в каком-то смысле более изолированно, более секретно. А у о. Анатолия все было очень открыто, как-то более «нежно». И у тех, кого я застал, не было этой закрытости. Они как бы даже ждали встреч.

Они, о. Анатолий и о. Сергей, конечно, совершенно разные. О. Сергей был человеком очень консервативных взглядов, просвещенно-консервативных, с аскетическим уклоном. О. Анатолий тоже стал склоняться к консерватизму в хорошем понимании этого слова, но он был человеком более открытым к миру, я бы так сказал. О. Анатолий искал более интенсивно, более открыто язык для городской образованной молодежи. В чем-то это его сближало с о. Сергием Мечевым, который этого же искал (но более узко). Они на разных языках искали ре-

шения одной проблемы: как в этом мире говорить с самим собой, с человеком, как сохранить клятву верности идеалам перед лицом агрессивного мира, как что-то делать во имя этих идеалов. У о. Сергия это были группки, а у о. Анатолия не было группок, тут разница, потому что паства его была небольшой численности.

Да, его община состояла из нескольких своего рода кружков, но надо понимать, что вся Церковь состояла из кружков. У нас к 1917 году не оказалось гомогенной церкви как некой массы. Не было такой церкви, а была еще в канун революции Церковь из разных кружков. И у очень простых народных пастырей типа о. Лаврентия Черниговского, который недалеко служил от Киева, в Чернигове, тоже свои чада были, свой круг. Это не какие-либо тайные организации — просто если человек искренне хотел что-либо сделать для Церкви, то он находил путь из прихода в какую-то из этих общин. Но, скажем, у о. Сергия Мечева, как мне представляется, была ступень предварительного испытания, некоторой проверки.

Надо знать, в главных чертах, откуда в России начала XX в. вдруг заговорили о братствах, общинах. Ведь раньше (XVIII, почти весь XIX в.), очень долгий период, такого не существовало. С началом последнего царствования в России на всех уровнях социальной лестницы вдруг осознали, что в стране приближаются перемены. Те, что потом отлились в «дарованную» Конституцию. И светской верховной власти, и церковной нужна была опора в обществе. И вдруг, как по команде, словно грибы, в крупных городах начали возникать церковные братства, разнообразные церковно-приходские, церковно-просветительные общества. Этот импульс в Церковь шел от правительства и Синода, через консистории, епархиальных архиереев. Срочно в епархиальных центрах стали проводиться собрания православной общности, различные церковно-культурные мероприятия, вечера. И все это освещалось в печати. Т.е. была попытка сверху подтолкнуть церковные силы к самоорганизации. Но попытка эта оказалась слишком запоздалой (этот процесс я частично описал в опубликованной в 1999 г. «Биографии еп. Варнавы / Беляева/»).

Община о. Анатолия была межтерриториальной, в нее входили люди из разных кругов и районов города и округи, но она почти все время своего существования имела опору в храмовой и богослужбной приходской жизни. (Так же, как и община о. Спиридона, который создал ее, не имея «своего» храма, на пустом месте, объединив вокруг себя активных рабочих-христиан.) Таков парадокс того времени. Поэтому в храме на богослужениях у о. Анатолия стояли как общинники, так и другие прихожане. И среди прихожан было много случайных людей, одновременно зашедших и проч. Поскольку он был известным проповедником, его приходили только послушать, просто на него посмотреть. Мне рассказывали несколько таких своеобразных прихожан, которые одновременно посещали все «интересные» храмы Киева, включая и украинские, и обновленческие, что среди верующих, бывавших на службах о. Анатолия, ходил слух, что в числе тех, кто стоял в алтаре, был и «волк в овечьей шкуре». То есть агент власти. Надо понимать, что рассказывали это люди посторонние общине, «захожане», но разговоры такие, я думаю, они передавали правильно.

Все знали о том, что кто-то был чужой среди своих, но неизвестно, видел ли это о. Анатолий. В любом случае, в его храме все было открыто. Не было подготовлено отступление, не было планов на случай арестов. И поэтому, когда забрали о. Анатолия, уничтожили, арестовали с десяток человек энтузиастов, то все остальные разберлись, и настала уже немного другая история.

Это непростой вопрос — на чем дер-

жалась общинная жизнь? Наверное, на том, что слово должно быть действенным всегда. О. Анатолий считал, что у многих слово теперь почему-то перестало работать. Он искал выход из этого вместе с горсткой единомышленников, и они нашли какой-то способ — через собственную жизнь, через какую-то наивную неубоязливость, бесстрашие — получить возможность очень свободной жизни и смогли так существовать где-то около десяти лет. И благодаря этому вокруг них строилась община.

Кажется парадоксальным, что официальную Церковь, «лояльную», которая, казалось бы, должна была продолжать благополучно существовать, когда всех «нелояльных» посадили, тоже потом прикрыли. А в некоторых местностях страны оставалась порой действующей, как ни странно, только каткомбная община. Именно она в то время в той или иной местности оказывалась единственной активной православной общностью, порой и с храмовым зданием. Вот такая, очень сложная, реальность.

Вопрос: Известно, что о. Анатолий писал письма общине. Если это были кружки практического свойства, с каритативным служением, то кого он понимал под общиной?

П.Г. Проценко: Это те «свои», которые разделяли с ним Литургию, таинства, понимание дела жизни как служения и жертвы. Я так думаю, это человек 30–50.

Был такой случай. Некоторый известный в Киеве профессор медицины на смертном одре (это было после войны) позвал о. Алексея Глаголева, чтобы он причастил его перед смертью, и позвал его как члена общины о. Анатолия. Почему он это сделал? Он сказал так: последний священник, который меня причащал, был о. Анатолий. Что мне мешало ходить в церковь после о. Анатолия? Тот дух кланового священства, который торжествовал во многих приходах, такой скучный, вялый. Он хотел, чтобы его окормляли пастыри, для которых Церковь — не рациональная организация (наподобие тех, что переполняют мир), не ведомство. Такая Церковь его не интересовала. Его интересовала Церковь как горение, как ответ горней жизни. Это был тихий, осторожный профессор, он никуда «не высывался», дождал до преклонного возраста, при советской власти его не гнали. И вместе с тем он хотел (пусть тайно, как евангельский Никодим) быть в церкви о. Анатолия, горящей духом. И такая жажда была во многих семьях. Это была эпоха перелицовки, когда многие люди имели два лица, три лица, и у них тайное лицо могло быть христианским. Те, кто хотел это лицо сохранить — они тоже читали эти письма к общине о. Анатолия. Это и им тоже было адресовано. Профессора старой закалки, жены профессоров это тоже слушали, тихо обсуждали. Но в моменты катаклизмов это вдруг менялось, интерес прятался, чтобы потом вдруг выйти наружу, в оттепель, например. Это очень интересная вещь.

Мы продолжаем рассказ о драматических событиях в Тверской епархии, где епархиальный совет во главе с архиепископом Виктором принял под давлением фундаменталистских сил, представленных прежде всего главой так называемого «центра Марка Эфесского» прот. Александром Шабановым, беспрецедентное решение. «На всей канонической территории Тверской епархии» оказались отлучены от причастия члены двух неформальных православных братств — Боголюбского и Спасского (в постановлении о них говорится как о «последователях священника Г. Кочеткова (г. Москва)'). Мы публикуем сегодня свидетельство очевидца, ответ на обвинения в адрес братчиков и канонический комментарий к происходящему.

Тверская епархиальная соборность: от невероятного к очевидному

В день Торжества Православия — 25 февраля — в Вознесенском соборе г. Твери более 100 человек были отлучены от причастия. Зрелище отдавало настоящим сюрреализмом, хотя и было лишено ожесточения и охотничьего азарта прежних лет. В глазах стоявшего с Чашей священника было явное сожаление о происходящем, но решение епосвета надо было выполнять. Горько было смотреть на одну прихожанку, которую приняли за «кочетковку» и гоняли от одной Чаши к другой. Плакали дети, не понимающие, почему не причащают их родителей, кое-кто из «ревнителей православия» внимательно следил, чтобы не «проскочил» к причастию лично известный ему «кочетковец», кто-то из прихожан тихо возмущался произволом, а случайные зашедшие в храм поставили свечку, смотрели во все глаза на представление. Но абсолютному большинству находящихся в храме людей происходившее было глубоко безразлично: «меня не касается, ну и ладно».

Размышления на события в нашей Тверской епархии

О «гордыне». Часто во многих наших храмах можно слышать: «В нашем храме «кочетковцев» не любят, и настоятель не приветствует общение с вами». На этом все возможности диалога с приходом заканчивались. При этом все кивали головой на «священноначалие». Получается, с одной стороны, нам закрывают двери для общения, а с другой — обвиняют в гордыне. С дальнейшим истерическим взвинчиванием всё это превращается в обвинение в прелести и т.д. Хотите попробовать, назовитесь «кочетковцем» и пройдитесь по храмам г. Твери. Нет диалога. Кто не хочет поступать, как ему указывает «священноначалие», тот и есть еретик.

О «всенощном бдении». Отдельные авторы статей укоряют нас за то, что мы уходим с утрени, которую служат вечером, «нарушая» устав. Но в уставе есть чины отдельной вечерни и отдельной утрени. Существует также Студийский устав, в котором вечерня и утрени существуют всегда раздельно. Для нас важно общение с Богом не только в Духе, но ещё и в смысле. Если в молитвах утрени звучат слова о благодарении Бога за то, что «Он поднял нас с лож наших...», а мы ни с каких лож не вставали, то не будет ли это неправдой перед Ним? К чему нас призывают? К формальному отношению к молитве? К службе? Так дойдем до формального отношения к Богу (а, может быть, уже и дошли?) Один священник призывал: «Чего вы выпячиваетесь, будьте как все...» То есть «стойте, и когда все крестятся, и вы креститесь. Довольно с вас и этого...» Однако в РПЦ все-таки есть места, где утрени служат утром, и ни у кого не возникает желания обвинить священника в ереси. Наверное, у нас епархия очень особая — оплот «подлинного» православия.

О языке. Никто из нас никогда не говорил о ненужности церковнославянского языка, никто никогда не указывал в каком-то повелительном тоне епископу или кому-либо другому о замене одного языка богослужения на другой! Есть опыт богослужения на русском языке: хотите — принимайте, хотите — нет. НИКАКОГО давления! Но вспомните Поместный Собор 1917-18 гг., на котором звучали голоса епископов, клира, мирян о русском языке. Думаю, что все понимают, что речь идет не о разговорном языке, а о литературном и литургическом. Кто хочет спорить о сакральности церковнославянского языка, пусть обратится к материалам о трехязычной ереси.

О книжечках на службе. Часто нам говорят, что хорошо стоять на службе в храме с чинопоследованием, что это раздражает прихожан. Это говорит о том, что прихожанам на службе просто нечем другим заниматься, как раздражаться на человека, стоящего с книжечкой и молящегося по ней про себя. Важно посмотреть и на корни этого раздражения: сам не вхожу в смысл церковной молитвы и другим не дам. А молитва в церкви должна звучать. Иногда возгласы из алтаря раздаются так быстро, что удивляешься, как предстоятель успел молитву прочитать.

О священноначалии. Иногда наши оппоненты красиво говорят от лица «Матери-церкви». Что они под этим подразумевают? Для меня это всегда загадка. Так бы и сказали — епархиальное управление в лице епископа и подчиненных ему священников. Понятно, что от имени всей Церкви может говорить только собор, в идеале вселенский или поместный. А говорить в таком статусе свои собственные слова — это и есть настоящее сектантство. Во всех обвинениях и нападках одни пустые слова и подтасовки, не приводится ни серьезных доводов, ни решений богословских комиссий, назначенных патриархом Алексием.

...Три дня мы пытались поговорить с епископом Виктором на эту тему. В первый день владыка шумел, и лишь вопрос о детях заставил задуматься тверского архиерея. Как быть с детьми? Ведь они тоже попадают под решение епосвета как «последователи», если не прямо о. Георгия Кочеткова, то своих родителей, и как им объяснить, что происходит в церкви? Секунду подумав, владыка милостиво разрешил детям причащаться. Чаша, оказывается, принадлежит архиерею и он решает — кого миловать, а кого нет. В третий день владыка отказался принимать ходяков, сославшись на занятия неведомым нам отчетом. Что ж, отчет важнее, чем судьбы и души полутора сотен человек, которые должны пережить ещё одно «торжество православия».

Полностью статью Владимира ЛАВРЕНОВА, которая включает в себя это свидетельство, можно прочитать на нашем сайте gazetakifa.ru или на сайте СФИ sfi.ru, а также в сообществе ЖЖ portal_besedka

О полемике в СМИ. Очень часто за наше мнение принимается та или иная статья в прессе, звучащая в нашу защиту. Строится сложная полемика, устраиваются форумы, что-то прибавляется от себя, что-то искажается. И вот появляется образ врага. С этим образом очень удобно бороться, отказывая братству в церковной (а не в прессе!) возможности встретиться с епископом и с ним обсудить наши проблемы (ведь он наш архиерей!) Нигде официально не опубликован и нигде не вывешен текст самого епархиального постановления, а есть только какие-то ссылки. На память приходит аналогия с секретными циркулярами КГБ в советские годы по отношению к церкви. Часто наши недобросовестные оппоненты пользуются тем, что мы раньше молчали в СМИ. Но заботясь о лице нашей церкви, мы не могли выносить наши отношения на суд «мира сего». Мы всегда признавали, признаём и будем признавать владыку Виктора нашим архиепископом и хотим решать проблемы наших взаимоотношений путем церковного общения, несмотря на попытки отдельных слишком консервативных сил помешать этому.

О центре Марка Эфесского. Очень много в центре Марка Эфесского душещелбы и сектоведы говорят о нас как о раскольниках, сами сея семена раскола везде: и в прессе, и в сердцах людей. А от подлинного диалога воздвигают стену. Центр должен по определению иметь миссионерскую направленность, но как может нести и возглавлять миссию человек, который сам заявлял, что НЕ ЛЮБИТ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЮ, и который занимает ведущее место в этом центре? С кем борется о. Александр Шабанов? Со злом мира сего? Что-то не очень похоже по делам. Очень пахнет сталинизмом (в те времена «по просьбам трудящихся» людей забирали, а тройка приводила приговор в исполнение...) Этот непримиримый поиск врагов, особенно, когда призывается государство на помощь. Уж оно-то точно поможет, всем мало не покажется. Захочет ли современный человек такой проповеди непонятно чего вместо проповеди о Христе?

Может сложиться впечатление, что постановление о прещении приняли люди, твердо стоящие на христианских позициях. Но когда в Живом Журнале свящ. Георгия Белодурова я прочитал авторскую ремарку, что он к этому постановлению «лапку приложил», у меня закружилась мысль о какой-то наигранности и позерстве в таком серьезнейшем вопросе церковной жизни. Можно ведь и заиграться...

О нашей жизни. В фильме «Остров» монах Анатолий задает вопрос: «За что Каин Авеля убил?» Вопрос, конечно, риторический. Говорят, что мы приводим «к себе в братство, а не в Церковь». А не задают ли себе вопрос великие ревнители, называющие нас кучкой интеллигенции: «А можно ли умного, грамотного, читающего и думающего человека так увлечь и запрограммировать?» Ни один человек, прошедший катехизацию, не может сказать, что у него нет свободы выбора! Ни один! Опровергать это могут только патологически больные люди. Приходящий к нам народ на «мякине» не проведешь. Если человек выбирает братский путь в жизни Церкви, то это не значит, что это сектантство. Жизнь в братстве есть в традиции Церкви, восходящей к апостолам. Апостол Петр говорит: «братство любите...» (1 Петр 2.17). Если человек видит на приходе возможность служить Богу, то все мы принимаем такой выбор человека. На этом мы твердо стоим.

О «сектантстве». Мы никогда себя от Русской Православной Церкви не отделяли, и отделять не собираемся. Это наша церковь, она дана нам Христом через

Продолжение на с. 8

Канонический комментарий

Написать канонический комментарий к Тверским страстям так же сложно, как применить правила дорожного движения к полёту журавлей.

Каноническое право тут не при чём. Епископ Виктор на каноны не ссылается. Вина братства изложена в общих фразах и преступление, за которое отлучены от Причастия сто человек, конкретно не сформулировано. Так волк в басне Крылова судил ягнёнка. Епископ Виктор не претендует на правовую позицию. Его действия происходят за пределами канонического права. Он обосновывает своё решение «общим чаянием тверских клириков и православных верующих нашего края». Поскольку от имени епархии говорит всегда только епископ, он выражает мнение всех клириков и мирян епархии. Другого мнения они иметь не должны. Такая философия права обоснована Уставом РПЦ.

Комментировать действия епархиальных епископов на основе канонического права бессмысленно, поскольку их действия основаны не на Вселенских канонах, а на Уставе РПЦ. В основе этого Устава лежит авторитарная власть епископа. Догматический принцип соборности из епархиальной практики устранён. Устав РПЦ наделяет епископа «всей полнотой иерархической власти» (Устав10, ст.11). «Без согласия епархиального архиерея ни одно решение не может быть проведено в жизнь» (Устав10, ст.14). Устав предоставляет епископу власть в «пользование», а «Положение о церковном судопроизводстве» передаёт епископу судебную власть в собственности: «власть принадлежит епархиальному архиерею». После того как Устав «потерял» контролирующую власть Поместного Собора, епархиальный архиерей превратился в диктатора местного значения, и уже не подчиняется положениям Устава. Вся епархиальная практика осуществляется не на основе Устава, а на основе желаний епархиального архиерея.

Коллегиальные институты в епархии фиктивны: их возникновение, прекращение и функции обоснованы пожеланиями епископа. Их члены не утверждаются Высшей церковной властью, а статус и права случайны. Все соборные начала исключены из епархиальной жизни.

Вселенские каноны обеспечивали соборность церковной жизни на всех уровнях власти. Текст канонов не изменился. Принципиальное изменение претерпела их сущность, отражавшая соборный характер церковной жизни.

1. Упразднён канонический суд. Каждый христианин и даже нехристианин мог просить защиты у церковного суда. Каноны формировали суд на основе беспристрастности правосудия (Карф.16). Суд 2004 г. исключил все принципы правосудия, начиная с презумпции невиновности. Подробнее об этом говорится в моей статье «Судопроизводство без правосудия». Обсуждать этот суд не имеет смысла, поскольку он появился на свет мертворожденным и не может быть дееспособным. Однако новые судебные принципы обнажили несовместимость нашей церковной практики с каноническим правом Вселенской Церкви.

2. Неравенство прав в едином правовом поле. Ко всем членам церкви: епископам, клирикам и мирянам, каноны предъявляют одинаковые требования и подтверждают их равной ответственности за одни и те же проступки. Для канонов обычно выражение: «Аще епископ, или пресвитер, или диакон, аще мирянин...». Епископ всегда несёт ответственность в первую очередь. Нынешний устав и суд снимает с епископа обязанности и ответственность, предоставляя ему полноту прав вплоть до безответственного произвола. Епископ обладает статусом неприкосновенности. Клирикам и мирянам Устав не предоставляет никаких прав, не обеспечивает их защиты от несправедливости и насилия со стороны епархиальной власти. Клирики и миряне облачаются только ответственностью на любом уровне их служения. Вся церковная жизнь построена на праве сильного.

Эти два противоположных положения в одном правовом поле церкви — положение епископа и положение «всех прочих» — объясняют все дальнейшие неправды современной церковной жизни и лишают клир и народ христианского достоинства: из друзей Христовых («не называю вас рабами, но друзьями») все мы превратились в униженных и беззащитных рабов епископа.

Приходы материально содержат епископа с его епархией, а все священники поставлены в материальную зависимость от епископа. Священники должны кормить свою семью. Епископ является их работодателем, шефом. За малейшее несогласие он вышвырнет любого священника без права обжалования с «волчьим билетом», которым является «запрещение в священнослужении». Выбор у священника небогатый: или будь рабом, принимая любые издевательства и унижения, забыв про совесть и честь, либо пошёл вон из Церкви, что для священника означает:

1. запрет работать по профессии, на обучение которой он затратил 8-9 лет, и жизнь нужно начать сначала. Многие ли готовы платить такую цену за свою духовную свободу и верность своей совести? Проще мрутся с унижением, идти на компромиссы с совестью и жить в постоянном страхе.

2. Для священника и каждого христианина извержение из церкви означает больше. Лишение Причастия означает утрату полноты христианской жизни. Никого не интересует, за вину или без вины ты изгнан из Церкви. Ни суда, ни административного обжалования. Всё кончено, поскольку решение архиерея обжалованию не подлежит.

Разумеется, решение епископа, вынесенное по злобе или зависти, из мести или каприза не может иметь благодатной силы. Епископ не имеет власти связать Святого Духа. Бог осудит его за преступление, но как быть без вины запрещённому и отлучённому сегодня, завтра и до конца жизни? Где выход, если в Церкви его нет?

Прот. Павел АДЕЛЬГЕЙМ

Размышления на события в нашей Тверской епархии

Продолжение. Начало на с. 7

апостолов и наших предков. Мы в ней крещены и миропомазаны. Мы в ней живем по дару Божьему. Никто не сможет своими интригами нас из неё вытолкнуть в раскол, хотя некоторые очень хотелось бы этого. Очень жалко видеть разрушенные ненавистью души людей в приходах. Они искренне верят, что, борясь с нами, они борются с врагами Церкви Христовой, но объяснить, почему мы враги (иногда даже слуги сатаны!), не могут. Тогда кто запрограммирован? Страшнее всего ответ на вопрос: кем?

О детях. Часто вижу в наших храмах такую картину. Перед самым причастием родители приносят или приводят детей в храм на причастие, не причащаясь при этом сами. Получается, что люди, так поступающие, сами не участвуют в литургической молитве. Это воспринимается как норма жизни. Да, наши дети не идеальны, но мы приходим в храм (как в дом Божий, а не чей-то собственный) до начала литургии, и наши дети приходят вместе с нами. В наших храмах нет детям определенного места, негде бывает даже посидеть, а ребенок не может находиться без движения больше определенного времени. Что же, ему и в храме лучше не быть? Может, попытаться его «выстроить»? И это нам ставят в вину?! Откуда в церкви возьмется молодежь, если в ней детям нет места, и никто об этом даже не думает?

О политике. К сожалению, политика проникла и за церковные стены. Наивно полагать, что такой натиск фундаменталистских сил направлен только против нас. В церкви идет процесс поиска путей обновления жизни и не только церковной, но и общественной. Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл, выступая с инициативами за широкий диалог в обществе и в церкви, в одном из своих интервью, опубликованном в газете «Кифа», призвал православных верующих быть более терпимыми, относиться к сторонникам о. Георгия Кочеткова с христианской любовью, без навешивания ярлыков. Что мы видим в ответ? Много говорится нашими оппонентами об уважительном отношении к священноначалию. Но как назвать то, что священники и миряне, собирающиеся при кафедральном Воскресенском соборе, открыто говорят (видимо, без ведома владыки Виктора) о том, что за митрополитом Кириллом стоит мировое еврейство...?! Сразу возникает вопрос: «Почему постановление епархиального собрания о прещении вышло в преддверии Русского Собора?» Потом будем удивляться, откуда у нас берутся черносотенцы и ксенофобы...

О настоящем и будущем. Ни для кого не секрет, что времена 90-х годов прошлого века, когда народ хлынул в церковь, прошли. Сейчас особенно остро стоит вопрос о нахождении ответа на вызов современному миру. Современный русский человек, уже не смущаясь, может говорить, что он католик, протестант, мусульманин или буддист. Взывать к традиционности, к русской «православной душе» уже малоэффективно. Ответ церкви должен быть на языке, понятном современному человеку. Ему уже недостаточно книжечек в духе прошлых веков, с изображением мальчиков в сапожках, подпоясанных кушачком, и девочек в сарафанах и платочках. Некоторые призывают вернуться к церкви, какой она была в 19 в. Но эти люди забывают, что после 19 века наступил 1917 г. Церковь не смогла дать ответ секулярному миру. Мы получили 70 лет советской власти и имеем то, что имеем...

Послесловие. Можно покритиковать мои соображения и наблюдения с большей или меньшей эмоциональностью, можно собирать разные советы и комиссии, можно раздать очередные запреты, но что это даст для жизни нашей Русской Православной Церкви? Это самый главный вопрос перед каждым из нас: клириком или мирянином. Что дальше? Ведь каждый из нас придёт на суд Божий, и каждому лично придется отвечать за прожитую жизнь и дела, без ссылки на кого-то другого (это предостит даже убежденным атеистам и циникам). Что мы передадим нашим детям? Будет ли жива церковь или она уйдет в другие страны и другие народы, как это случилось с малоазийскими церквями? Где теперь Миры Ликийские? Где Византия? Где Константинополь? А святых попираема не бывает. В отчете по миссионерской деятельности епархии говорится о 66 воскресных школах. В них должны быть воспитанники, но я каждое воскресенье хожу в разные храмы города и вижу, что молодежи в храмах нет! А молодежь — это наше будущее.

Мы никогда не «проталкиваем» своего. Мы хотим видеть нашу церковь живой, активной и плодотворной. Можно выливать на нас много грязи, в этом пребывать и не увидеть того подлинного, что дает нашей церкви Христос. Мы всегда открыты к диалогу, а не к окрику, к диалогу, в котором учитываются разные мнения. Надо собирать камни, время разбрасывать давно прошло.

Вадим СЛЕПНЕВ

«ЦЕРКОВЬ» ПРОТИВ «КУЛЬТУРЫ»?

... Отчайнее
каменеет,
И камни вопиют.

Александр
Величанский

Выражение «камни вопиют» давно известно как идиоматическое. Его применяют, когда хотят сказать о непереносимом нарушении каких-то общепринятых норм, которое, тем не менее, продолжает существовать. Увы, это происходит довольно часто. Так исполняются в истории слова Спасителя об учениках, которым пытались заградить уста фарисеи (Лк 19:40). Если вопиют камни, значит — ученики молчат.

Так и было в нашей стране в течение долгого советского периода, когда под «каменными» подразумевались тысячи христианских храмов, чудом уцелевших, но заброшенных, разрушающихся или используемых в самых экзотических целях. Музей, планетарий, даже кинозал — это было еще как-то объяснимо. А танцплощадка, спортзал, парикмахерская, магазин, ресторан, туалет? Реставрировались десятки храмов, а гибли или осквернялись сотни и тысячи. При этом, как утверждал академик Д.С. Лихачев, за все годы существования закона об охране памятников истории и культуры ни один человек не был привлечен к уголовной ответственности за их разрушение. Но именно гибнущие храмы «говорили» подчас громче сохранившихся, свидетельствуя о правде и красоте, которые живут и умирают вместе.

Однако пришло время, и идеология, породившая всю эту «мерзость запустения», исчезла с исторического горизонта. Храмы стали возвращаться верующим, в них зажеглись свечи, вернулись на свое место купола и кресты. Но эпоха всеобщей гармонии так и не наступила, и в области возрождения храмов тоже. О новых трагедиях, на сей раз связанных именно с этим возрождением, о том, «что общество, церковь и государство способны сделать с культурой в угоду политической конъюнктуре, личным амбициями и ложно понятому религиозному возрождению», рассказывает в книге Александра Евгеньевича Мусина, вышедшей в издательстве «Петербургское Востоковедение». Свою книгу автор не случайно назвал «Вопиющие камни».

А.Е. Мусин — кандидат богословия, доктор исторических наук. В недавнем прошлом он — преподаватель церковной археологии Санкт-Петербургской духовной академии, создавший в ее стенах мемориальный музей одного из крупнейших церковных археологов XX века проф. Н.В. Покровского и изгнанный из нее за поддержку студентов, отказавшихся участвовать в рукоположении недостойного кандидата. Свою книгу он посвятил процессу возвращения Русской православной церкви ее культурных ценностей и святынь. «Вопросы культурного правопреемства, — как пишет автор, — оказываются более запутанными, чем кажется на первый взгляд. Основной спор о наследстве идет... между отделенной от государства Русской православной церковью, чьи интересы зачастую поддерживаются государством, и государственными учреждениями культуры, судьба которых государству с той же частотой демонстративно безразлична».

Кто должен «возделывать и хранить» памятники церковной культуры и искусства? В нормальном обществе, конечно, все эти силы: и государство в лице его властных структур, и государственные учреждения культуры, и сама церковь — священнослужители и прихожане храмов. Почему же в России это процесс похож на происходящее в известной басне про лебедя, рака и щуку, с той лишь разницей, что иногда двое из трех ее персонажей объединяются против третьего?

Для ответа на вопрос автор последовательно рассматривает историю взаимоотношений церкви и государства в этой области. Вначале он описывает «историю болезни», т.е. как закладывались, через отчуждение церковного имущества от общины, будущие тупиковые ситуации. Затем вспоминает, сколь радужными были надежды на выход из этих тупиков после начала либеральных преобразований в СССР начала 1990-х гг. Показывает, как этот период сменился «новым застоєм», а затем и «новым курсом», предполагающим массовую передачу храмов, икон и т.п. церковным организациям, независимо от действительно вопиющих случаев варварского отношения к этим духовно-культурным ценностям со стороны ряда представителей церкви. И заканчивает книгу новым вопросом русской интеллигенции, дополненным извечные «что делать?» и «кто виноват?» — «что происходит?» А происходит, по его мнению и мнению некоторых экспертов, процесс «использования исторического наследия как средства решения проблем политической элиты в ущерб гражданскому обществу».

Можно напомнить, что проф. Н.В. Покровский еще в последней трети XIX века видел единственную возможность изменить отношение к церковным древностям и, следовательно, саму их судьбу, в том, чтобы передать все церковные памятники в ведение церкви, но при этом предварительно дать будущим и действующим священникам серьезное церковно-археологическое образование. Увы, из современной ситуации такая перспектива представляется еще более далекой. 70 лет «вавилонского плена» нашей церкви у большевистской власти могут потребовать многих десятилетий, если не столетий возрождения, и то при условии, что этот процесс пойдет во восходящей линии. Но А.Е. Мусин приводит впечатляющие примеры того, что процесс идет скорее в обратном направлении: церковь не стремится к союзу с учреждениями культуры и реконструируется (часто за их счет) как организация, стремящаяся иметь свой внушительный удел в «мире сем», т.е. созидать именно то, что привело к страшной катастрофе российского государства и церкви в 1917 г. Тем более неактуальными становятся при таком подходе проблемы духовного образования, предполагающие, в частности, возможность противостояния просвещенной части церкви произвольной — коммерческой или политической — эксплуатации ее культурного наследия.

Книгу А.Е. Мусина, резкую и жесткую, не назовешь познавательной и увлекательной в обычном смысле этих слов. Она горчит и огорчает, иногда, может быть, слишком сильно. В некоторых случаях можно упрекнуть автора в известной схематичности, недостаточной объективности и даже в односторонности. Он смешивает официальные церковные структуры и конкретные церковные общины, цель которых — отнюдь не всегда обретение недвижимости и ее использование «для себя». И наоборот, — действия органов и организаций культуры видятся им, в основном, в ореоле рыцарственного служения ей, хотя непосредственный опыт часто свидетельствует совсем о другом (стоит вспомнить хотя бы о конфликте, связанном с освобождением Владимирского собора б. Сретенского монастыря в Москве, вину за который он полностью возлагает на общину). А.Е. Мусин справедливо считает, что «хранение и экспонирование памятников церковной старины в государственных музеях служит формой христианского свидетельства, проповеди и популяризации церковной культуры», но не акцентирует того, как часто это хранение и экспонирование становилось поводом для искажений их содержания или просто антицерковной пропаганды.

Впрочем, писать объективную книгу по истории, когда описываемый этап еще далеко не закончился, неизмеримо труднее и опаснее, чем о романтизированном прошлом. Кто-то, наверное, скажет, что автору книги нужно было подождать до завершения этого этапа, а потом уж и оценивать происходившее «с холодным вниманием рассудка». Скорее всего, такой человек будет прав. Но камни вопиют...

Александр КОПИРОВСКИЙ

ИЗДАНИЕ
ПРЕОБРАЖЕНСКОГО
СОДРУЖЕСТВА БРАТСТВ

Учредитель: Региональная общественная организация «Культурно-просветительский центр «Преображение»

Адрес редакции и издателя:
105062, г. Москва,
ул. Покровка, д.29, стр.1
Тел./факс: (495) 624-92-50

© РОО «Преображение». Все права защищены

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов

Главный редактор:
А.В. Колымагина
Зам. гл. редактора:
А.А. Буров

Электронный адрес редакции:
kifa@list.ru

Электронная версия газеты:
http://gazetakifa.ru

Над номером работали:

Анастасия Наконечная, Виктор Котт,
Елена Шевелева, Дмитрий Матвеев,
Владимир Лидский, Светлана Бурдаева

Газета зарегистрирована Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-24541 от 2 июня 2006 г.

Иллюстратор: Татьяна Аразян

Дизайн: Андрей Мареев

Верстка: Татьяна Тыртыш, Анна Лепехина

Отпечатано в типографии «Эльф», г. Москва, ул. Ткацкая, д. 5. Тираж 1500. Цена свободная. Выпуск подписан в печать 21 марта 2007 г. Время подписания в печать: по графику — 9.00, фактическое — 9.00. Дата выхода в свет 24 марта 2007 г.

Нашу газету можно приобрести в Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФИ — ул. Покровка, д.29, оф.38); в Санкт-Петербурге: в магазине «Слово» (ул. Малая Конюшенная, д. 9).

Телефоны распространителей
Москва: (495) 314-2596 (Александра Ошарина), 131-4769 (Ольга Филиппова), 8-916-114-6737 (Ольга Орлова), 158-9116 (Валерия Волкова), 342-6306 (Марина Чиркова);

Санкт-Петербург: 8-921-755-9926 (Анастасия Наконечная);
Архангельск: 8-921-299-4978 (Андрей Подоров);
Воронеж: 8-950-763-50-35 (Александр Терехов);
Северодвинск: 8-921-299-7687 (Нина Портнова);

Тверь: 8-(4822)-50-2308 (Олег Ермолаев);
Тула: 8-(4872)-37-5782 (Марина Писаревская);
Электросталь: 8-926-787-43-05 (Ольга Кузнецова)